„Здравствуйте, тятенька и маменька! и вы, своячки́, здравствуйте!“ (у нево и языкъ появился!).—„Почему хвастается твоя жена, что ты взятки взялъ?“ — „Да, взялъ! вотъ у меня ремни изъ вашихъ спинъ и пряжки! Видѣли: на головѣ требушинная шапка? — это изъ вашева быка; я вамъ пособлялъ!“ — „Не ложно ли вы показываете? Вы бы пріѣхали на конѣ, товда бы мы повѣрили!“ — „Да вотъ черезъ минуту на конѣ пріѣду!“ — Пошолъ въ заповѣдные луга, свистнулъ по-молодецки, гаркнулъ по-богатырски; конь ево богатырской бѣжитъ—земля дрожитъ.—„Съѣздимъ! только одна профо́рма!“ Въ лѣво ушко залѣзъ, въ правое вылѣзъ — и здрѣлъ бы глядѣлъ съ очей не спушшалъ экова молодца! Накла́дываетъ на нево у́здечку, 12 подпругъ шелко́выхъ: шолкъ не рвецца, булатъ не трецца, се́ребро не ржавѣетъ. Садился на коня, билъ ево по бедра́ми; конь ево разсержацца, по сырой землѣ разстилацца; три *скока* скакнулъ—у царскова дворца сталъ.

21. Подъѣжжатъ къ царскому дворцу, скричѣлъ своихъ своячковъ: „Ну, своячки́, какъ желаете — такъ *бра́товацца* или по-мужицки пѣшкомъ?“—Выходили вся свита и дивились свояки, што вѣрно онъ. — „Што мы будемъ съ имъ дѣлать?!“ — Онъ слѣзъ съ коня. — „Ну-ко, господа, васъ двоё, я одинъ; давай, беритесь, борите меня!“ — Они взяли ево двоё; онъ надъ ими подсмѣхался, все стоялъ.—„Што, братцы, разѣ такъ борюцца богатыри?“—И онъ ихъ взялъ въ охапку и рѣзнулъ ихъ; онѣ не меньше 12-и часовъ мёртвыми лежали; откачивали ихъ.—„Свой чинъ, говоритъ, пожалѣлъ, а то бы кишки́ изъ васъ вылетѣли!“

Царь приказалъ шшитать ево за старшево зятя и слушаться ево.

---

3. Царь-Дѣвица.

1. Старикъ пошолъ *стрѣля́цца*. Ему въ етотъ день ничево не удалось. Онъ домой пошолъ, — птичка сидитъ несъѣдобная. — „А чѣмъ мнѣ даромъ домой итти, дай я её застрѣлю!“ — Приноситъ домой; старуха руга́тъ: „нашто ты птицу такую застрѣлилъ, несъѣдобную?!“ — Старикъ птичку взялъ, на базаръ понёсъ продавать. Купецъ видитъ,—*подга́ркалъ* къ себѣ ево; говоритъ: „продай ету мнѣ

птичку!“ — Потомъ разсмотрѣлъ купецъ: подъ правымъ крыломъ написано у етой птички: хто головку съѣстъ, такъ будетъ царёмъ, а хто серцо вынетъ изъ неё и съѣсъ, тотъ будетъ князёмъ. — Купецъ ему сначала даетъ сто рублей за ету птичку. Старикъ думатъ, што надъ имъ смѣюцца.—„Ну што жо, купецъ, да ты дѣломъ давай! по крайней мѣрѣ не смѣйся надо мною!“ — Тотъ ему двѣсти рублей. — „Да ты што надо мной смѣешься? ты дѣломъ давай!“ — Купецъ и думатъ: „што ужъ ево обижать! получи, — говоритъ: — старикъ, триста рублей!“ (А птичка всево съ кулакъ).—„Ну, давай деньги!“—Получилъ двѣсти рублей; у купца ста рублей не хватаетъ. — „Погоди, я въ другу лавку схожу, займу“.—Купецъ ушолъ, а старикъ домой убѣжалъ, — штобы не отобралъ онъ двѣсти рублей. Купецъ — какъ знатъ, онъ гдѣ живётъ — заперъ лавку, понёсъ остальныя деньги старику. Купецъ идетъ; старикъ испужался: — „Куды, старуха, спрятацца?“ — „Спрячься въ *го́лбецъ*“ (подъ полъ, значитъ). — Старикъ сидитъ тамъ, а купецъ приходитъ, Богу помолился, поздоровался: „Гдѣ, старуха, у тебя старичёкъ?“ — „Конешно, у нево одно ремесло, пошолъ *стрѣля́цца*“.—„Онъ не дополучилъ отъ меня сто рублей. Какъ теперь?“ — „Передай мнѣ; я передамъ ему“. — „Да ладно, не омманй, старуха!“ — Пе́редалъ старухѣ, ушолъ домой. Старуха говоритъ: „Ну, старой пёсъ, вылѣзай!...“ И сдѣлались онѣ рады этими де́ньгами.

2. А у купца жена худыми дѣлами занималась (б.....а). Купецъ приноситъ по ве́черу эту птичку своей женѣ и говоритъ, что „приберй её на мѣсто; ковда я ее прикажу тебѣ зажа́рить, тогда ты мнѣ ее зажарь!“ — Поу́тру чаю напился купецъ, ушолъ въ лавку торговать. Купецъ уходитъ, *гулева́нъ* къ ей приходитъ. Она для гулева́на самоварчикъ поставила и говоритъ: „у меня есь такая птичка,— не угодно ли тебѣ ее зажарить?“ — „Принеси, я погляжу ету птичку! какая ета птичка?“ — Гулеванъ разсмотрѣлъ подъ правымъ крыломъ надпись... Она живо повару передаётъ: „поскорѣе зажарь ету птичку!“ Онъ живо *очагъ* затопляетъ и птичку изготовляетъ — зажа́рилъ ее въ маслѣ очень хорошо. Сталъ поваръ на тарелку класть... А у купца было два сына. *Больша́къ* и говоритъ: „Поваръ, - говоритъ:— дай мнѣ эту птичку, я люблю головки *ись*!“ А меньшо́й

говоритъ: „когда ему головку далъ, дай мнѣ серцо!“... Дѣтя́мъ и достаётца. Купчиха приташшыла ему ету самую птичку. Гулеванъ смотритъ: серца и головки нѣтъ. И говоритъ: „што́ я люблю, а тово нѣту!“ Посылаетъ купчиху повара спросить, хто это могъ *съись* ету штуку — головку и серцо?“ Купчиха спрашиваетъ повара. — „Большой сынъ головку съѣлъ, а меньшо́й серцо“. — Купчиха гулевану обратилась и говоритъ: „это мои дѣти съѣли“.

3. Гулеванъ на то сказалъ: „если ты зарѣжешь своихъ дѣтей, зажаришь, то я до той степени стану тебя *любѣть*, што мѣры нѣтъ!“ — Купчиха приходитъ *къ* повару и говоритъ: „не пожалѣй моихъ дѣтей—зарѣжь и зажарь ихъ!“— Поваръ нача́лъ точить ножъ, а большакъ и говоритъ: „это къ чему ты, поваръ, ножъ то́чишь?“ — „Мать приказала васъ заколоть и изжарить“. — „Чѣмъ насъ колоть (за то ты будешь отвѣчать), — мы уйдёмъ и домой не придёмъ!“ (Они были, стало быть, большіе ужъ).

4. Они собрали́сь очень скоро, оба отправились. Ушли очень далёко, а хлѣба съ собой мало взяли, — обезсилѣли. Приходятъ къ такой горѣ. Большакъ и говоритъ: „Братъ, залѣземъ на эту гору, — не увидимъ ли гдѣ селенія? мы съ тобой *оголожа́ли, ись* не́чево!“ — Меньшо́й остался подъ горой, а большакъ залѣзъ на́ гору. И видитъ съ горы большакъ такой городъ: много народу вышло на пло́шшать. А въ этѣмъ городѣ, значитъ, царь померъ, и онѣ царя выбирали. И онѣ то *удýмали*: поставили свѣчку — передъ которымъ загоритъ свѣча (сама отъ себя, когда онъ подойдетъ), тотъ и будетъ царь. И сколько бы изъ нихъ не подходило, — не передъ кѣмъ не горитъ. Изъ ихъ одинъ увидалъ такова человѣка на горѣ, — и здумали за имъ ѣхать. Пріѣжжаютъ на́ гору. Мальчикъ стои́тъ, поздоровался съ мужичкомъ. Мужичокъ говоритъ: „поѣдемъ со мной!“ — „Я голоденъ!“ — *Засова́лся* въ карманъ, нашолъ крендель, подалъ мальчику, посадилъ ево и увезъ. Подвозитъ ево; подходитъ онъ къ етой свѣчѣ, — свѣча передъ имъ загорѣла. (Птичка-та доказыватъ). Онѣ скричѣли всѣ: „ура! быть тебѣ царемъ надъ нами!“ — „Господа! когда вы меня поставили царемъ, у меня братъ есь, подъ горой стоитъ; съѣздите за имъ! онъ го́лодёнъ“. — Разыскали и ево; привезли. Большакъ сказалъ: „Вотъ, — говоритъ: —

братъ, я теперь наступилъ царёмъ, а тебѣ быть передо мной князёмъ!“

5. И вотъ онѣ пожили едакъ года съ два, — и сдѣлалось брату ето ешшо недовольно, што князёмъ быть. — „Братъ, — говоритъ: — пусти ешо меня по бѣлому свѣту погулять!“ — „Неужели ты этимъ недоволенъ? голоду разѣ не видалъ?“ — Большакъ не могъ его переспорить; приказалъ накласть ему сухарей въ котомку — приготовить въ отправку. *Покуль* приготовленіе было, онъ все шолъ; потомъ припасы вышли, онъ обезсилѣлъ, сялъ подъ *дрéво*. А на этомъ древѣ ягоды хорошія. — „Да-ко я съ голоду закушу хоть ягодъ! мнѣ не лучше ли будетъ?“ — *Искусилъ* нижню ягоду, — вдругъ — онъ поглядѣлъ на себя, — посѣдѣлъ, старикъ сталъ. Съѣлъ онъ вторую, — оказались у ево горба́ и рога у́ лбу: подобіе на дьявола похожъ. Свалился, лежитъ подъ етимъ дрéвомъ. И вдругъ прилетаютъ двѣ птички, садя́цца на ето древо. Одна птичка и говоритъ: „вотъ вѣдь молодецъ, — говоритъ: — свалился! если бы онъ зналъ достать верхнюю ягоду,—онъ бы такой молодецъ сталъ, лучше старово!“ — А другая и говоритъ: „ето ему ешо недовольно; если бы онъ зналъ, подошолъ къ ентому дубу; дубъ етотъ сворачивацца, — говоритъ: — а подъ дубомъ лежитъ чугунная плита, а подъ плитой ковёръ-самолётъ и золотая кись; кисью етой онъ можотъ *орýдовать* ужъ всё!“—Досталъ онъ верьхнюю ягоду, съѣлъ— и сталъ молодецъ лучше старова; зрѣлъ бы, глядѣлъ, съ очей не спушша́лъ.—А птички улетѣли съ древа.

Потомъ онъ пошолъ, началъ сворачивать дубъ. Своротилъ дубъ, отворотилъ чугунную плиту,—и дѣйствительно досталъ ковёръ-самолётъ и золотую кись. Разослалъ ковёръ-самолётъ и сказалъ: „Лети, ковёръ-самолётъ, въ то государство, гдѣ царь-дѣви́ца живётъ!“ (царствомъ править она сама, дѣви́ца). — Прилетаетъ въ ето государство. — „Ковёръ-самолётъ, остановись!“—Собралъ ево подъ пазуху и идётъ городомъ. Доходитъ до пятистѣннаго домику, заходитъ въ етотъ домъ. Живётъ въ етомъ домѣ одна старушка. Старушка всё равно какъ ему мать родная показалась, увидѣла ево — обрадовалась. — „Вижу я, што ты съ голоду; остановись у меня и пообѣдай, и ночку переночуй! пуша́й у тебя ноги отдóхнутъ!“ — Ночь приходитъ. Ужи-

номъ она ево накормила. Онъ и *разосла́лся* на лавочку: одну половину ковра-самолёта по́слалъ подъ себя, а другу розвѣсилъ.

6. Огни взяли люди (въ потёмкахъ), — прибыла́ къ ей, къ старушкѣ, царь-дѣвица. — „Ахъ, бабушка, го́ст-ётъ у тебя хорошой! поставь-ко мнѣ свѣчу, я буду списывать ковёръ-самолётъ!“ (сресо́вывать). — Срисовала етотъ ковёръ-самолётъ и говоритъ: „ты, баушка, на суточки ешо ево уговори! я тебѣ втро́ё за ето заплачу́“. — Переночевалъ ночку. Старуха утромъ приготовила ему завтракъ хорошой и говоритъ ему: „ты, ми́лой другъ, поживи у меня! пушай у тебя отдо́хнутъ ноги!“ — Я подождать — поживу! у меня платить тебѣ не́чѣмъ, — сказалъ молоде́цъ: — баушка!“ — „Ну, я не нуждаюсь твоимъ деньга́мъ, только ты поживи со мной — мнѣ веселѣе!“ — До вечера доживаетъ. Старуха и говоритъ: „Батюшка, — говоритъ: — на которой лёжа́лъ (спалъ) половинѣ [ковра-самолета], ту розвѣсь, а которая на стѣнѣ была (срисована), — на ту ляжь!“ — Утромъ старуха опять ему завтракъ изготовила, какъ *тре́бно* быть, накормила, — и онъ день опять ходитъ. Вечеромъ накормила и говоритъ: „ты вотъ что, батюшка! тебѣ на лавкѣ тѣсно, — ты на́ полъ розостели́сь, — по крайней мѣрѣ поворо́тишся и всё!“ — Какъ онъ разосла́лся, усну́лъ, — царь-дѣви́ца прибыла къ ему опять. — „Ахъ, — говоритъ: — я края́ списала, — говоритъ: — а сере́дку не видала“. — Она начала потихоньку ево содвига́ть и содвигать и содвинула ево съ ковра-самолета, молодца етова. Царь-дѣвица взяла завернула тогда етотъ коверъ-самолетъ, вышла на крыльцо, стала на нево и говоритъ: „коверъ-самолетъ, лети прямо въ мои пола́ты!“ (въ мой домъ).

7. Поутру́ молоде́цъ проснулся, хватился: подъ имъ ковра-самолета нѣту! И сялъ онъ на лавку, повѣсилъ голову. Старуха идётъ съ улицы, увидала, что онъ кручи́нной. — „Што ты, батюшка, не весёлой?“ — „Въ чужомъ мѣстѣ я обокра́денъ!.. Ну, баушка, мнѣ теперь разсчитацца не́чѣмъ! прошшай!“ — „Ну, ступай, ди́тятко, куды знаешь теперь!“ (не нуженъ и старухѣ сталъ).

8. „Што дѣлать? Когда она меня етакъ *обызья́нила*, мнѣ надо воротицца къ етому древу!“ (гдѣ ягоды онъ ѣлъ). — Пришолъ къ древу, на́бралъ этихъ трёхъ сортовъ

ягодъ (одна старая ягода, другая съ горбáми, а третья — молодцомъ быть). Явился онъ въ етотъ городъ, гдѣ царь-дѣвица. У царь-дѣвицы есь ключь; служанка пошла за водой въ етотъ ключь. Молодéцъ усмотрѣлъ ее — увидалъ, што она идётъ, — побѣжалъ напрéдъ, спустилъ хорошую ягоду сначала. Поддѣваетъ дѣвúца, — оказалась въ ведрѣ ягода. Служанка ету ягоду съѣла, ей пріятно сдѣлалось; приходитъ, — царь-дѣвица ее не узнала, што она *бóльно* хороша сдѣлалася, и спрашиваетъ ее: „умница, ты,—говоритъ:—чья?“—„Што вы,—говоритъ:—царь-дѣвица? я,—говоритъ: — ваша служанка!“ — „А отчево ты сдѣлалась хорошой?“ — „А вотъ, — говоритъ: — царь-дѣвица, я пошла на ключь, попала мнѣ такая ягода, — я съѣла ее и сдѣлалась потомъ хорошá“. — Царь-дѣвица посылаетъ ее во второй разъ: „ступай-ко! не поддѣнешь ли мнѣ?“ — Служанка идётъ; молодецъ увидалъ, што она идетъ,—побѣжалъ впередъ, спустилъ двѣ ягоды вразъ. Поддѣваетъ служанка не одну, а двѣ ягоды.—„Чé желала, такъ то и получила,— говоритъ: — видно!“ — Приноситъ, передаётъ царь-дѣвицѣ: „вотъ, — говоритъ: — я тебѣ поддѣла двѣ ягоды!“ — Царь-дѣвица приказала ей самоваръ поставить; „съ чаемъ я,— говоритъ: — буду пить, такъ *тожнó* буду и *гись*“. — Передъ чаемъ съѣла царь-дѣвица одну ягоду и смотрицца въ зеркало: „штó, — говоритъ: — посѣдѣла, постарѣла!“ — Забранилась на служанку: „што ты, пóдлая, со мной сдѣлала?! я теперь старуха стала! меня не примутъ въ Сенóтъ!“ — Служанка говоритъ: „съѣшь другую,—не лучше ли будетъ тебѣ?“—Съѣла она другую,—полѣзли изъ ее рогá и горбá. Потребовала она *дохтурóвъ*,—дохтурá ничево не могутъ съ ей сдѣлать. Наконецъ, она обѣшшанье дала: „хто бы меня вылѣчилъ, за тово я и *взáмужъ* пойду! дайте знать по всему царству! хоть бы прúшлой какой-небудь вылѣчилъ“.

9. Молодецъ узналъ ето дѣло, съѣлъ старова положенія ягоды и сдѣлался старикомъ. Въ домъ къ ей приходитъ и говоритъ: „я тебя вылѣчу. Штó ты мнѣ — какъ заплатишь или *обвѣтъ* у тебя какой?“ — „Дѣдушко, если ты меня вылѣчишь, я за тебя замужъ пойдý!“ — „Подпишись подъ это дѣло!“ — Та подписалась. Онъ подаётъ ей ягоду. — „Да ты што мнѣ подаёшь? ешо хуже буду?!“—

„Ѣшь, — говоритъ: — хорошая будешь!“ Она съѣла и сдѣлалась лучше старова, красивая сдѣлалась: здрѣлъ бы глядѣлъ и съ очей не спущшалъ. — „Подёмъ въ *Сенóтъ*: законъ дозволитъ ли съ тобой вѣнчацца?“ (взадъ *пятки́й* ужъ!). — Въ Сенотъ приходитъ, она и говоритъ: „Господа судьи! Вотъ старикъ меня вылѣчилъ; я ему подписалась, штобъ съ имъ замужъ итти; законъ дозволяетъ ли, штобъ съ имъ вѣнчацца?“ — Господа енералы и говорятъ: „если, государыня, ты повѣнча́шся, мы тебя не поставимъ въ царицы, потому что мужъ у тебя будетъ ста́рой, семьдесятъ лѣтъ! Ты ево расчитай деньга́ми лучше!“ — А старикъ деньги не берётъ: „ты обвѣшша́лась за меня замужъ, мнѣ деньги не надо!“ — „Ковда деньги не берёшь, мы тебя отсюдова не погоняемъ; а ты, царица, *тупа́й* домой!“

10. Ковда она пошла домой, онъ вынимаетъ изъ кармана золотую кись и говоритъ: „ковда была ты дѣви́ца, испра́вься ты теперь кобыли́ца! А вы, енералы, ковда были молодцы, теперь исправьтесь всѣ жеребцы!“ — Махнулъ своей кисью, и онѣ всѣ исправились жеребцами. Сади́цца на ету кобылу, а жеребцы за имъ побѣжали. Пріѣзжаетъ къ брату въ царство своё. Сталъ онъ на *хвате́ру*, не къ брату (съ табуно́мъ-то) *на́перво*. Сказалъ: „погоди, господинъ хозяинъ, я схожу къ вашему царю: не возьмётъ ли онъ у меня лошадей?“ — Идётъ къ брату, съѣлъ хорошую ягоду и сдѣлался какъ быть молодцомъ, — штобы братъ ево могъ признать, значитъ. Тогда братъ увидѣлъ ево, обрадовался, што братъ пришолъ къ ему обратно домой. Братъ своихъ служашшихъ потребовалъ — поставить для нево живо самоваръ; стали чай пить.

11. Старшой братъ и говоритъ: „Братъ, былъ ты по всѣмъ городамъ; нѣтъ ли хорошой невѣсты?—я собираюсь женицца“.—„Охъ, братъ, хорошу я тебѣ невѣсту привёзъ,— говоритъ: — да она у меня на *фате́рѣ*“. — „Да што ты, чудакъ, прямо не ве́лъ?“ — „Есь, — говоритъ: — братъ, у меня тамъ ешо жеребцы, — не хочешь ли ты купить ихъ у меня?“ —„Веди ихъ сюды! Што ты, чудакъ, тамъ на фатеру сталъ!? Веди и невѣсту: чай пить станемъ вмѣстѣ съ ей!“ (ешо какъ погля́нецца невѣста-та). — Братъ пошолъ, отвязалъ кобылицу и жеребцовъ, приводитъ ихъ къ пора́тному крыльцу, стано́витъ всѣхъ рядомъ. — „Иди, братъ,

какъ поглянецца ли невѣста? Потомъ я въ комнаты могу завести!" — Съ братомъ вышли на дворъ. — „А гдѣ невѣста?" — „Вотъ, братъ, съ краю-то стоитъ кобылица — вотъ тебѣ и невѣста!" — „Да што ты, братъ, смѣёшша надо мной? развѣ подобаетъ мнѣ на кобылицѣ женицца?! если бы не братъ былъ, такъ я бы тебѣ и голову сказни́лъ за это!" — „Неужели ты не вѣришь, што ето тебѣ невѣста? Если хочешь, то я тебѣ сейчасъ на практикѣ покажу, што она будетъ тебѣ невѣста." — Онъ вынимаетъ изъ карману кись, махнулъ кисью и говоритъ: „была ты теперь кобылица, — исправься по-старому дѣви́ца!" Махнулъ кисью: „когда были вы жеребцы, — исправьтесь по-старому молодцы, хто какъ былъ!" — Всѣ исправились молодцами. Царь говоритъ: „идите чай пить съ нами теперь!" (*Согла́стенъ* уже замужъ брать её). — Чаю по́пили, согласился онъ её взять замужъ, повѣнчался съ ёй, и пошла у ихъ пиро́вка.

12. По́жилъ онъ (князь етотъ) много ли мало ли время, сталъ у брата просицца къ отцу. Къ отцу онъ пріѣжжаетъ; отецъ увидалъ своёва сына, обрадовался. Отецъ спрашиватъ: „гдѣ вы дѣти, проживаетесь?" — „Собери сегодни *сро́дственниковъ*, знакомыхъ, — мы съ тобой попируемъ, тогда я тебѣ скажу, при людей" [такъ!] — Нашли́ люди. Начали водкой обносить; пошла у ихъ пиро́вка. Сынъ отцу и говоритъ: „Тятинька, дозволь мнѣ шуточку *сшути́ть*!.. А вотъ, тятинька, — говоритъ: — братъ мой живётъ царёмъ въ такомъ-то городѣ, а я передъ имъ князёмъ!.." Вынимаетъ свою кись: „вотъ, — говоритъ (мать свою): — когда была ты *баби́цей*, испра́вься теперь кобыли́цей!" — Она кобылой и переставилась у нево, мать ево. Онъ махнулъ кисью — *гулева́на* жеребцомъ изла́дилъ. — „Теперь *тупайте*, какъ знаите гуляйте!" — А отца увёзъ, — всё запро́далъ, — увёзъ въ своё государство.

4. [Иванъ купеческій сынъ].

1. Жилъ былъ Рязанцовъ купецъ. У ево было три сына. И выстроилъ *имя́* дома́ каменны — три дома. Остался со старшимъ сыномъ въ домѣ [самъ] отецъ. Отецъ етотъ померъ. У ево сынъ былъ Василей, у старшева сына, — одинъ сынъ себѣ, холостой. Стали братья собирацца на ярмарку. —